

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8

Проблемы регионализации постсоветской Центральной Азии

Дина Борисовна МАЛЫШЕВА

доктор политических наук, заведующий сектором Центральной Азии, Центр
постсоветских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: dsheva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8625-6132

ЦИТИРОВАНИЕ: Малышева Д.Б. (2020) Проблемы регионализации пост-
советской Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика,
экономика, право. Т. 13. № 3. С. 140–155. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8

Статья поступила в редакцию 01.06.2020.

АННОТАЦИЯ. Разница в трактовках понятия «Центральная Азия» (ЦА) и в определении ее географических границ говорит о незавершенности процесса формирования этой части постсоветского пространства в качестве региона. Регионализацию как эффективную форму отстаивания и продвижения странами своих интересов отличает в ЦА многоуровневый характер. Он включает в себя стремление республик продвигать свои национальные интересы в качестве суверенных государств, развивать в рамках интеграционных процессов торгово-экономическое и политическое взаимодействие, подключаться к различным интеграционным инициативам и надгосударственным проектам с широким кругом внерегиональных участников. Попытки государств ЦА развивать внутрирегиональное взаимодействие в период с 1994 по 2005 г. не увенчались успехом. Но уже с 2017 г. популярность в ЦА набирает идея «новой интеграции» в рамках планируемого к созданию Союза центральноазиатских государств. На роль «регионообразующих» стран пре-

тендуют Казахстан и Узбекистан – два ядра, вокруг которых возможно развитие гипотетической региональной интеграции. При этом внешнеполитическое позиционирование Казахстана и Узбекистана, их подходы к проблемам безопасности определенным образом различаются, как неодинаковы в экономическом и социальном планах их соседи по региону; несопоставима и ресурсная база каждого из них. Остаются поэтому факторы, препятствующие регионализации и интеграции. В их числе – центробежные устремления стран ЦА, которых притягивают не соседи по региону, а внешние партнеры и рынки, международные финансовые институты и донорские структуры. Имеются и объективные препятствия, тормозящие регионализацию, включая и то обстоятельство, что республики региона неохотно делятся обретенным после распада СССР суверенитетом в пользу надгосударственных структур – действуют ли они в масштабах постсоветского пространства или же их планируется ограничить рамками региона ЦА.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, регион, регионализация, глобализация, «союз пяти», Союз центральноазиатских государств, «новая интеграция», безопасность*

В процессе международного взаимодействия пять постсоветских республик Центральной Азии – Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан – испытали на себе воздействие нескольких тенденций.

Первая связана со стремлением этих республик продвигать свои национальные интересы в качестве *суверенных государств*, базируя международные отношения на принципах территориальной целостности и политической независимости, что корреспондируется и с нормами международного права (Статья 2(4) Устава ООН¹).

Вторая тенденция – *регионализация*, трактуемая в данном контексте как «интеграция близких по своим социокультурным и географо-экономическим особенностям территорий» [Лагутина 2016, с. 48; Барыгин 2007, с. 175] или же «как экономическое и торгово-политическое явление, предполагающее установление особых отношений между государствами для облегчения и расширения взаимной торговли и других форм хозяйственного сотрудничества, а также (во многих случаях) получения политических и геоэкономических выгод» [Спартак 1917, с. 16]. Подобная тенденция облегчает формирование в географических пределах современной постсоветской ЦА объединений, которые позволили бы их пяти участникам самостоятельно и без внешних посредников развивать политические и экономические связи внутри региона.

Третья тенденция обусловлена глобальными процессами, побуждающими государства ЦА вписываться в транснациональную среду глобального взаимодействия (подробнее о ней: [Keohane, Nye 1972]), подключаться к различным интеграционным инициативам и надгосударственным проектам с широким кругом внерегиональных участников. В то же время феномен *регионализма*, т. е. усиления внутrigосударственных регионов, практически не получил в странах ЦА распространения в условиях сложившихся там централизованных и авторитарных политических систем (ср. с Евросоюзом, политика которого, согласно концепции «нового регионализма» [Hurrell 1995; Hettne, Söderbaum 1998], возникшего в эпоху транснационализма и глобализации, направлена на культивирование региональной идентичности, объективно размывающей национальные государства).

Таким образом, регионализацию ЦА, как и международные отношения ее стран, отличает многоуровневый характер, что предопределено особенностями еще не завершившегося процесса становления постсоветской ЦА как региона. При этом важно учитывать многообразие смыслов, вкладываемых в такие понятия, как «регион» и «Центральная Азия».

Содержательная характеристика понятий

Если обратиться к научной литературе, то в ней с понятием «регион» связаны многочисленные интерпретации и трактовки: географический феномен [Воскресенский 2011, с. 36] или же социальная система, участники которой за-

1 Устав // ООН // <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>, дата обращения 22.06.2020.

висят друг от друга в сфере безопасности [Лагутина 2016]; рассматривается регион и как коллективный и международный актор [Косолапов 2005], и как некое пространственное измерение [Каримова 2006].

Что касается постсоветской ЦА, то воспринимается она обычно как формирующийся регион (см., например, [Богатуров, Дундич, Троцкий 2010]). Иное дело, что включали в него в отдельные периоды истории разные территории, как не прекращены и в наши дни попытки перекроить карту ЦА – ту, что очерчена ныне границами Содружества Независимых Государств (СНГ).

Считается, что само название «Центральная Азия»² получило хождение благодаря знаменитому немецкому географу и путешественнику Александру Гумбольдту. Правда, в своей книге [Humboldt 1843] ученый рассматривал ЦА в значительно более широком географическом контексте, нежели современные интерпретаторы этого региона, относя к тому, что он называл Центральной Азией, территории тогдашнего Туркестана, Памира, Тибета, Китайского Туркестана.

В России, где процесс присоединения народов, населявших современные государства ЦА, растянулся во второй половине XIX в. почти на три десятилетия, новая имперская провинция именовалась, согласно императорскому указу от 23 июля 1867 г., Туркестанским генерал-губернаторством: ему-то и предназначалась роль плацдарма, обеспечивавшего дальнейшее продвиже-

ние царской России в Азию. Нельзя не признать при этом, что российское завоевание оказало неоднозначное влияние на исторические судьбы казахов, узбеков, таджиков, киргизов, туркмен и других народов, при том что в советской историографии это влияние в целом расценивалось как положительное (см. подробнее [Халфин 1965]).

Заметим, что русские ученые использовали термин «Центральная Азия» в основном для обозначения земель (Афганистан, Восточный Туркестан и др.), находившихся за пределами контролировавшегося Российской империей Туркестана. В 1861 г. русский путешественник и ориенталист Николай Ханыков [Khanikoff 1961] предложил определять границы исторической области, которую он называл, согласно существовавшей исторической традиции, Хорасаном³ (части современных Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Восточного Ирана, Западного Афганистана), с помощью гидрологического критерия, главным в котором стало выявление отсутствия путей, по которым реки с этой территории могли попадать в открытое море.

Проведенное в советском Туркестане в 1924–1925 гг. национально-территориальное размежевание развело народы региона по национальным квартирам⁴. При этом Таджикистан, например, был включен до 1929 г. как автономная республика в состав Узбекской ССР, которой в 1936 г. была передана также Каракалпакская автономная область. Входящая же в состав РСФСР

1 Устав // ООН // <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>, дата обращения 22.06.2020.

2 Этот регион именовался также Внутренней Азией, Высокой Азией, Трансоксианией (земли, находящиеся по другую сторону реки Окса, как называли в старину Амударью), Мавераннахром в арабской интерпретации или Тураном в персидской (см., например: [Гафуров 1989]).

3 В наши дни к этому историческому наименованию региона обратились боевики обосновавшегося в Афганистане запрещенного в РФ «Исламского государства», объявившие о намерении включить центральноазиатские государства в планируемое к созданию в регионе Исламское государство Хорасан [Малышева 2017, с. 15].

4 Соловьева Е. (2017) Всем по «национальной квартире». Как СССР «делил» Среднюю Азию // История. РФ // <https://histrf.ru/biblioteka/b/vsiem-po-natsionalnoi-kvartirie-kak-sssr-dielil-sriedniuiu-aziiu>, дата обращения 22.06.2020.

Казахская автономная республика обрела статус союзной лишь в декабре 1936 года. В дальнейшем в СССР административно-территориальное деление стало тесно увязываться с экономическим районированием, и в число «крупных экономических районов» вошел как Среднеазиатский (в составе четырех советских союзных республик – Киргизской, Таджикской, Туркменской и Узбекской), так и Казахстанский район [Лаврищев 1964, с. 33]. Не удивительно, что в позднем СССР пять центральноазиатских республик в их современных границах определялись понятием «Средняя Азия и Казахстан», поскольку считалось, что в отличие от других четырех союзных республик развитие Казахстана имело свою специфику.

Примечательно, что на Западе многие историки и политики еще тогда возражали против рассмотрения всех этих республик как особого ареала, очерченного границами Советского Союза, пусть они и были международно-признанными. Так, в капитальном труде «История цивилизаций Центральной Азии», опубликованном ЮНЕСКО в 1978 г., советская Центральная Азия представляла в качестве неотъемлемой части более широкой цивилизации, охватывающей Афганистан, Северо-Восточный Иран, Пакистан, Северную Индию, Западный Китай и Монголию. «Наименование “Центральная Азия”, – подчеркивалось в работе, – <...> относится именно к этой области, которая соответствует четко различимой культурной и исторической реальности» [History of Civilizations 1992, p. 8].

Такой подход особенно тщательно разрабатывался и в английской научной литературе, где под географическим наименованием *Central Asia* обычно подразумевалась «территория от Тибета до западных границ Ирана и от южных границ Афганистана до Урала» [Хидояттов 1967, с. 21]. Западной науке

о ЦА в целом свойственно было искаженное прочтение истории народов региона: в соответствии с таким подходом царской России, а затем и Советскому Союзу отводилась весьма неприглядная роль колонизаторов и поработителей – тенденция, получившая затем развитие в трудах ряда националистически настроенных ученых стран ЦА (см., например [Мамедов, Шаталова 2016; Жолдасбаев 2010]).

После распада СССР прочное место в политическом и научном обиходе заняло наименование «Центральная Азия»: в 1992 г. президент Казахстана Н. Назарбаев предложил использовать его применительно к пяти государствам региона [Печатнов, Стрельцов 2019, с. 156]. Тем не менее и в наши дни имеют хождение различные интерпретации этого региона.

Так, например, известный российский ученый-международник А.Б. Каримова полагала, что понятие «международный регион», определявшееся ею как группа стран, выделенная, например, по критерию территориальной близости, применимо лишь к четырем республикам, входившим в советские времена в Среднеазиатский регион, но не к Казахстану, примыкающему больше по своим характеристикам к другим странам [Каримова 2006].

Нельзя не упомянуть и продвигаемый известным американским ученым Фредериком Старром концепт под названием «Расширенная Центральная Азия» (*Greater Central Asia*). Предполагается в этой связи укрепление торгово-экономических и транспортных связей между пятью постсоветскими республиками ЦА и Афганистаном, их сотрудничество в сфере безопасности, что открывает возможности для формирования в этой части Азии «единого региона» [Starr 2005, p. 16]. Идея «Расширенной ЦА» трактуется Старром исключительно сквозь призму то-

го, насколько она может отвечать американским интересам в регионе, поэтому данный проект носит явно политизированный характер.

Более приближенным к современным реалиям представляется рассмотрение ЦА как *складывающегося политико-географического региона* в составе пяти государств, унаследовавших от бывших советских республик свои географические границы, исторические и культурные традиции, промышленную и сельскохозяйственную инфраструктуру, обладающих полномочиями вступать в международные отношения с другими суверенными государствами. Особенности ЦА как региона определяются тем, что он «заперт» внутри континента, не имеет выхода к океану, а гористый ландшафт чередуется здесь с труднопроходимыми пустынями и полупустынями [Мальшева 2010, с. 6]. Поскольку регион не имеет прямого выхода к океану и морским коммуникациям, он «обречен» в результате на транспортно-транзитную и иную зависимость от приграничных государств [Шаймергенов, Абишева 2017, с. 10]. Такая географическая специфика сильно препятствует международной экономической и политической деятельности центральноазиатских стран, их включению в мировые политические процессы в качестве полноправных участников.

Стремление занять в глобальном мире собственную нишу в роли полноценных и равноправных игроков, обрести субъектность в качестве признанного мировым сообществом международного региона – вот те импульсы, которые побуждали (и побуждают) страны ЦА искать компромисс между продвижением национальных интересов, защитой суверенитета и развитием не ограниченного рамками региона партнерства, как на двусторонней, так и на коллективной основе.

В центре нашего внимания – регионализация, понимаемая как стремление сконструировать в ЦА особое межстрановое образование (регион) путем придания импульса внутрорегиональному взаимодействию. Это и определяло в значительной мере в разные периоды постсоветской истории международные отношения в ЦА.

Внутрорегиональное взаимодействие и «новая интеграция»

Важным инструментом регионализации стала интеграция, признанная всеми странами ЦА как эффективная форма отстаивания и продвижения своих интересов. Неудивительно, что после обретения независимости эти страны использовали создавшиеся условия для активизации взаимного сотрудничества. Его в период с 1994 по 2005 г. попытались в ЦА реализовать через специально созданные межстрановые образования – Центральноазиатский союз, Центральноазиатское экономическое сообщество, Организация центральноазиатского экономического сотрудничества. Но достичь полноценного внутрорегионального взаимодействия на этом первоначальном этапе государствам ЦА не удалось, и регионализация ЦА стала проходить в более широких рамках, охватывающих пространство СНГ. Причин было несколько.

Во-первых, странам ЦА не хватило собственных ресурсов (экономических, политических, военных) не только для конструирования новых внутрорегиональных организационных структур, но и в целом для выживания в конкурентной международной среде. Не готовы были в ЦА и к объединению своих рынков, не говоря уже о различиях в уровнях экономического развития

стран Центрально-Азиатского региона и их внешнеэкономических приоритетах [Ионова 2018, с. 133].

Сыграли свою роль в ЦА, во-вторых, и сложные межгосударственные отношения (особенно Узбекистана с его соседями), а также и то, что Туркменистан, ссылаясь на свой официально признанный ООН нейтральный статус, вообще не собирався вступать ни в какие союзы и даже в СНГ остался только в качестве ассоциированного члена.

В-третьих, СНГ как международная организация и ОДКБ как действенная структура безопасности на постсоветском пространстве значительно превосходили по своему потенциалу создававшиеся в ЦА на чисто региональной основе интеграционные альянсы. Да и без российского содействия развитию [Барановский, Квашинин, Тоганова 2018, с. 197–204] центральноазиатским государствам сложно было решать свои проблемы. В лучшем случае им суждено было стать площадкой для балансирования между ведущими мировыми центрами, но никак не реальной альтернативой СНГ или ОДКБ.

В-четвертых, все центральноазиатские государства оказались вовлечены в процессы глобализации, которая вела к открытию национальных границ в области политики, экономики, культуры, социальной сферы, приводила к частичному изменению моделей человеческого общения. Данное обстоятельство, предопределив процесс перераспределения суверенитета стран ЦА в пользу глобальных субъектов (ВОЗ, МВФ, Всемирный банк и др.), ведущих мировых экономических держав, стало в ЦА на долгое время альтернативой регионализации.

Однако идея регионализации, подразумевающей формирование в ЦА обновленного региона, отнюдь не сдана в архив, и в последние годы все большую популярность набирает такой про-

ект регионализации, как «новая интеграция». Она в нынешних серьезно осложнившихся геополитических условиях предстает как способ коллективного ответа центральноазиатских государств на глобальные и региональные вызовы в сферах безопасности и экономики. Более того, перспектива воссоздания в том или ином виде условного «союза пяти» начинает рассматриваться многими в ЦА как более эффективный инструмент для отстаивания и продвижения интересов стран региона, нежели углубление интеграции в рамках СНГ, ЕАЭС, других объединяющих постсоветские республики структур.

Современный всплеск интереса к такой «новой интеграции» можно объяснить действием нескольких факторов:

- завершающимся процессом складывания в центральноазиатских государствах политических систем, нацеленных на отстаивание национальных интересов и реализацию независимой внешнеполитической стратегии;
- трансформацией политической системы «послекаримовского» Узбекистана, новое руководство которого определило сотрудничество со странами ЦА как главный приоритет внешней политики республики;
- возникшими после украинского кризиса экономическими трудностями системообразующего участника СНГ, ЕАЭС и ОДКБ — России, которая стала восприниматься в ЦА некоторыми экономистами и политиками как источник шоковых сценариев для стран-партнеров;
- расширением торгово-экономических контактов центральноазиатских государств с Китаем в рамках реализации его инициативы «Пояс и путь», не нацеленной, как ЕАЭС, на интеграцию, но состав-

ляющей этому пророссийскому проекту серьезную конкуренцию; – активизацией внешних игроков (США, Евросоюза, Турции), заинтересованных не столько в стимулировании интеграционных процессов в постсоветской ЦА, сколько в выдворении из ее сферы России и Китая.

Своеобразными заявками на «новую интеграцию» в ЦА стали: первая Консультативная встреча 15 марта 2018 г. в Астане президентов Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана; Ташкентская конференция по Афганистану 26–27 марта 2018 г.; встреча 20–22 июля 2018 г. министров иностранных дел стран ЦА в г. Чолпон-Ата (Киргизия); вторая Консультативная встреча глав центральноазиатских государств в Ташкенте 29 ноября 2019 г. Примечательно, что на второй Консультативной встрече первый президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев предложил учредить 15 марта новый праздник – День Центральной Азии, выдвинув одновременно инициативу по созданию в регионе «безбарьерной среды», подразумевающей беспрепятственное перемещение товаров, услуг и капитала⁵.

В событиях, свидетельствовавших как будто бы о том, что регионализации ЦА придан новый импульс, обнаружилась своего рода новация: если раньше тон интеграционным процессам в регионе, а также и на всем постсоветском пространстве задавал Казахстан, то теперь на роль движущей силы внутрирегионального взаимодействия в ЦА стал также претендовать и Узбекистан.

Интеграционные инициативы Казахстана и Узбекистана

Казахстан и Узбекистан – своего рода «регионообразующие» государства, два ядра, вокруг которых гипотетическая региональная интеграция может приобрести реальные очертания. Справедливо и то, что без участия Казахстана и Узбекистана сложно решать принципиальные вопросы, связанные с изменением уровня стабильности, безопасности, устойчивого развития в ЦА. И все же внешнеполитическое позиционирование этих двух государств, их подходы к решению проблем региональной интеграции и безопасности нельзя считать полностью совпадающими.

Узбекистан, уклонявшийся в период президентства Ислама Каримова от участия в объединениях, созданных либо по инициативе России (например, в ОДКБ), либо Запада (ГУАМ), и в настоящее время занимает весьма сдержанную позицию в отношении своего возможного присоединения к действующим на постсоветском пространстве структурам. В Узбекистане, где закреплена на законодательном уровне принцип неучастия армии в военных операциях за пределами страны, введен также запрет на размещение иностранных военных баз на территории республики⁶.

Иная позиция у Казахстана, превратившегося к настоящему времени во вполне самостоятельного игрока мировой политики, в т. ч. благодаря непостоянному членству в ООН, представлению Астаной (совр. Нур-Султан) площадки для проведения межсирийского диалога («астанинский процесс») и пр. На постсоветском пространстве

5 Назарбаев предложил учредить День Центральной Азии (2019) // Фергана. 29 ноября 2019 // <https://fergana.media/news/112912>, дата обращения 22.06.2020.

6 Оборонная доктрина Республики Узбекистан. Утверждена Законом Республики Узбекистан от 9 января 1918 г. № 3РУ-458 // <https://lex.uz/docs/3495906>, дата обращения 22.06.2020.

Казахстан принимает деятельное участие во всех интеграционных экономических объединениях и структурах безопасности СНГ, развивает тесное экономическое сотрудничество не только со своими партнерами по Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) и бывшими советскими республиками – ныне суверенными государствами, но и со странами Евросоюза, Китаем. Открыт Казахстан и для военно-политического сотрудничества как с ООН, США, НАТО, так и с Россией, Китаем, другими государствами. Как отмечено в докладе с участием центральноазиатских ученых британского аналитического центра в области международных отношений *Chattam House*, «Казахстан в своей международной политике продолжает делать больший упор на позиционирование себя как глобального игрока, а не как регионального лидера» [Бор и др. 2019, с. iv).

Обращает на себя при этом внимание тот непреложный факт, что первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, будучи одним из главных инициаторов евразийской интеграции, живой интерес проявлял и к проблеме регионализации ЦА. Так, в 2005 г. Назарбаев впервые заявил об экономической целесообразности создания Союза центральноазиатских государств (СЦАГ), предложив даже подготовить соответствующую концепцию и предположив, что с помощью СЦАГ можно будет «наладить эффективную интеграцию». Примечательно, что участие России в таком союзе не предусматривалось⁷.

В 2008 г. Назарбаев вновь вернулся к идее союза, сделав упор на то, что подобное формализованное объедине-

ние пяти государств ЦА повысит международный статус региона. Идея, однако, не была тогда поддержана президентом Узбекистана Исламом Каримовым. На состоявшейся в Астане в апреле 2008 г. пресс-конференции по итогам встречи с Назарбаевым Каримов объяснил, почему данная инициатива для Узбекистана неприемлема: «Во-первых, для того чтобы создать союз между государствами, надо, чтобы уровень их экономического и социального развития был сопоставим, во-вторых, политика этих стран не должна быть противоречивой. К сожалению, уровень развития центральноазиатских стран несопоставим, говорить о каком-то союзе преждевременно»⁸.

Но вот намного большего взаимопонимания по проблеме гипотетического «союза пяти» Назарбаев обнаружил у второго президента Узбекистана – Шавката Мирзиёева, горячо поддержавшего идею активизации внутрирегионального сотрудничества в ЦА. Да и в целом после ухода из жизни в 2016 г. многолетнего главы Узбекистана Ислама Каримова открытость к региональному сотрудничеству в рамках ЦА стала одним из приоритетов нового руководства республики.

В своем выступлении 17 сентября 2017 г. на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев заявил о создании новой политической атмосферы в регионе и призвал организовывать регулярные консультативные встречи глав государств ЦА. Данное пожелание было реализовано не только в рамках встреч центральноазиатских государств на высшем уровне, но и в других форма-

7 Н. Назарбаев сформулировал задачу – написать концепцию Союза центральноазиатских государств (2005) // ЦентрАзия. 7 июня 2005 // <https://centrasia.org/newsA.php?st=1118173500>, дата обращения 22.06.2020.

8 Расов С. (2008) Союз центральноазиатских государств // *Livejournal.com* // <https://srasov.livejournal.com/6654.html>, дата обращения 22.06.2020.

тах, в частности, в рамках «5+1» – запущенных администрацией США с 2015 г. регулярных встреч пяти центрально-азиатских министров иностранных дел с госсекретарями США. Такие же беседы с руководством стран ЦА проводит регулярно и Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности, что говорит о стремлении США и Евросоюза активно влиять на процессы регионализации ЦА в выгодном для себя направлении.

Параллельно с этим растет на двустороннем уровне взаимодействие Узбекистана с Казахстаном, где отношения с Узбекистаном часто квалифицируют как приоритетные. Как отметил в этой связи премьер-министр Казахстана Аскар Мамин, комментируя на встрече со своим узбекским коллегой, Абдуллой Ариповым, необходимость активизации совместных усилий по формированию коридора «Север – Юг» и развитию Транскаспийского международного транспортного коридора, «для Казахстана ваша страна (Узбекистан – Д.М.) – это выход на Южную Азию, для Узбекистана наша территория – это доступ на рынки ЕАЭС и Юго-Восточной Азии, Кавказа и Европы»⁹.

Некоторые эксперты полагают, что в развитии экономического сотрудничества с Казахстаном больше заинтересован Узбекистан, если принять во внимание, что объем его ВВП меньше по сопоставимости с объемом ВВП Казахстана, несмотря на то, что Узбекистан обладает значительным экономическим по-

тенциалом (см. подробнее [Ионова 2018, с. 133]). Привлекаемые в Узбекистан казахские инвестиции резко возросли, а само двустороннее узбекско-казахстанское сотрудничество развивается с начала 2020 г. в самых разных сферах¹⁰.

В масштабах региона Узбекистан стремится принять активное участие в проектах, нацеленных на частичное перераспределение в пользу Афганистана и государств Южной Азии центрально-азиатских энергоресурсов, электроэнергетики, транспортных мощностей. Так, например, правительство Узбекистана не исключает возможности подключения республики к региональному проекту CASA-1000, предусматривающему поставки в Афганистан и Пакистан электроэнергии из Таджикистана и Киргизии¹¹. Сам этот проект, спонсируемый Всемирным банком и США, хотя и имеет конечной целью объединение в перспективе Центральной и Южной Азии в рамках единого экономического пространства (что предусмотрено еще в известной работе Старра «Партнерство в Большой Центральной Азии» для Афганистана и его соседей» [Starr 2005]), может в конечном итоге способствовать развитию энергетической отрасли во всех странах ЦА¹².

Узбекистан по традиции продолжает уклоняться от участия в объединениях, созданных по инициативе России. Исключением может служить принятое 11 мая 2020 г. решение Сената Олий Мажлиса Узбекистана о присоединении республики к ЕАЭС в качестве государ-

9 По итогам II Форума межрегионального сотрудничества Казахстана и Узбекистана подписаны 52 соглашения почти на 500 млн долл (2020) // Премьер-министр Республики Казахстан. 26 февраля 2020 // <https://primeminister.kz/ru/news/po-itogam-ii-foruma-mezhregionalnogo-sotrudnichestva-rk-i-ru-podpisany-52-soglasheniya-na-okolo-500-mln>, дата обращения 22.06.2020.

10 Там же.

11 Узбекистан может присоединиться к региональному проекту CASA-1000 (2018) // Sputnik Таджикистан. 29 ноября 2018 // <https://tj.sputniknews.ru/asia/20181129/1027559463/tajikistan-uzbekistan-prisoedinenie-regionalniy-proekt-casa-1000.html>, дата обращения 22.06.2020.

12 CASA-1000: плюсы и минусы стройки века (2016) // Sputnik Кыргызстан. 12 мая 2016 // <https://ru.sputnik.kg/economy/20160512/1025189083.html>, дата обращения 22.06.2020.

ства-наблюдателя¹³, хотя и здесь имеются серьезные противники интеграции, полагающие, что «партнерство с ЕАЭС может притормозить процесс запланированного вступления Узбекистана во Всемирную торговую организацию»¹⁴. Сдержанно отнеслось руководство Узбекистана и к российским предложениям о выработке – как в рамках ООН, так и ОДКБ – консолидированной позиции центральноазиатских стран по урегулированию конфликта в Афганистане. Зато Узбекистан предпочитает интенсифицировать процессы регионализации на базе тех организаций, где его роль может быть заметной, т. е. в рамках ШОС. В Ташкенте находится штаб-квартира Региональной антитеррористической структуры ШОС, учрежден в Узбекистане и Центр народной дипломатии ШОС; стремится Узбекистан внести вклад и в запуск переговорного политического процесса в Афганистане, что получило высокую оценку как в КНР, так и в ШОС¹⁵.

Таким образом, Узбекистан, следуя ставшей традиционной для его внешней политики многовекторной стратегии, представляющей собой на практике маневрирование между различными региональными и глобальными центрами, не оставляет притязаний на лидерство во многих региональных процессах в ЦА, и его потенциал как одного из наиболее влиятельных и крупных государств региона позволяет это делать.

Дополнительные штрихи к трактовке позиции официального Ташкента в отношении проекта «новой интегра-

ции» в ЦА дает узбекский политолог Рафаэль Саттаров, который утверждает: «Новому узбекскому лидеру, как в свое время Брежневу, очень нравится, когда в зарубежных СМИ его описывают как реформатора и модернизатора, стремящегося построить в Узбекистане открытое общество. Ради таких похвальных отзывов можно и пересмотреть внешнеполитические задачи. Тем более что сложнейшая ситуация в экономике вынуждает руководство страны искать инвестиции, которые не придут без отказа от старых каримовских подходов. А постепенная консолидация власти в руках Мирзиёева открывает ему больше пространства для маневра, в т. ч. и во внешней политике»¹⁶.

В целом же Узбекистан действительно превратился в настоящее время в одного из главных инициаторов экономического и политического сближения центральноазиатских государств, а значит, в основного драйвера внутрирегиональной интеграции.

Приходится, тем не менее, констатировать, что пока усилия и Узбекистана, и Казахстана в этом направлении успехом не увенчались: на практике идею «союза пяти» в ЦА реализовать не удалось. Не смогли страны региона перейти от деклараций к реальному сотрудничеству, наполнить экономическим содержанием во многом политизированные интеграционные инициативы и проекты регионализации. Тормозят ее объективно существующие преграды и препятствия.

13 Сенат Узбекистана одобрил участие страны в ЕАЭС в качестве наблюдателя (2020) // Узбекское телеграфное агентство. 11 мая 2020 // <https://uztag.info/ru/news/senat-uzbekistana-odobril-uchastie-strany-v-eaes-v-kachestve-nablyudatelya>, дата обращения 22.06.2020.

14 В Сенате Узбекистана нашлись противники интеграции в ЕАЭС (2020) // Фергана. 11 мая 2020 // <https://fergana.news/news/117969>, дата обращения 22.06.2020.

15 Узбекистан и Китай обсудили сотрудничество в реализации различных совместных проектов в Афганистане (2020) // Podrobno.uz. 28 февраля 2020 // <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/uzbekistan-i-kitay-obsudili-sotrudnichestvo-v-realizatsii-razlichnykh-sovmestnykh-proektov-v-afganis/>, дата обращения 22.06.2020.

16 Саттаров Р. (2017) АСЕАН по-узбекски. Новые амбиции Ташкента в Центральной Азии // Московский центр Карнеги. 28 декабря 2017 // <http://carnegie.ru/commentary/75120>, дата обращения 22.06.2020.

Тормозы регионализации

Государства региона отличаются друг от друга в экономическом, социальном планах; неодинакова и ресурсная база каждого из них. Поэтому модель развития, взятая на вооружение в самой развитой республике ЦА – Казахстане, может не сработать, например, в Таджикистане или Киргизии. И без того низкая конкурентоспособность региона в 2020 г. была усугублена мировым экономическим кризисом, падением цен на нефть, а вызванная коронавирусом пандемия привела к замедлению экономического роста республик ЦА, общему ухудшению социально-экономической ситуации, и из нее каждая центральноазиатская республика в основном выбиралась собственными силами. Все это побуждает правительства стран региона делать своим императивом не построение очередного интеграционного объединения, а направлять имеющиеся ресурсы на преодоление кризиса.

Фактором, препятствующим интеграции/регионализации, остаются центробежные устремления центральноазиатских стран, которых экономически притягивают не соседи по региону, а внешние партнеры и рынки, международные финансовые институты и донорские структуры. Что касается политического измерения межгосударственного взаимодействия внутри ЦА, то очевидно, что ни одна из пяти республик региона не намерена делиться суверенитетом после распада СССР суверенитетом в пользу надгосударственных структур – действуют ли они, как ЕАЭС, в масштабах постсоветского пространства или же их планируется ограничить рамками пяти государств ЦА (как задуманный к созданию СЦАГ).

Неясными остаются мотивы и внешнеполитические приоритеты нового руководства Узбекистана, кото-

рому Казахстан как будто бы добровольно уступил привычную для него роль «мотора» региональной интеграции. Нельзя исключить также, что явные притязания Узбекистана в ЦА на роль «первого среди равных» способны вызвать скрытое отторжение у других центральноазиатских участников процесса. Тем более что противоречия между ними никуда не делись.

Ведь несмотря на предпринятые попытки, центральноазиатские страны так и не добились конструктивного сотрудничества в решении водной проблемы, не перешли к совместному использованию водно-энергетических ресурсов в условиях, когда Таджикистан и Киргизия «контролируют почти 80% всех запасов поверхностных трансграничных вод в регионе» [Зиядуллаев Н., Зиядуллаев У. 2019, с. 93].

Не все благополучно и в сфере политического взаимодействия. Хотя Узбекистан при президенте Ш. Мирзиёеве поспособствовал оздоровлению межгосударственных контактов в ЦА (принятием мер по демаркации границ и транспортному сообщению), остались во взаимоотношениях центральноазиатских государств друг с другом нерешенные политические проблемы – пограничная, в частности, питающая латентную конфронтацию Киргизии с Таджикистаном, Казахстаном, Узбекистаном.

Не все однозначно в ЦА и в сфере безопасности. В то время как три центральноазиатских государства являются членами ОДКБ, Узбекистан и Туркменистан дистанцируются от этой международной организации. Обращает на себя также внимание курс послекаримовского Узбекистана на развитие тесного военного сотрудничества с США, что входит в противоречие и с духом ШОС, и в целом со стратегическим партнерством стран ЦА с Россией и Китаем – а ведь именно они являют-

ся истинными гарантами поддержания региональной безопасности.

Таким образом, международные отношения в ЦА не обрели еще устойчивого характера. Не создана также прочная основа для такого внутреннего единства, которое позволило бы безоговорочно считать Центральную-Азиатский регион политическим и интеграционным целым.

Новым независимым государствам ЦА и их политическим элитам часто с трудом хватает ресурсов на собственное выживание, на конструирование собственных политических систем. У них нет возможности противостоять своими силами вызовам и рискам. Нет также средств и на создание институтов международного региона. Этим часто пользуются разнообразные международные партнеры центральноазиатских стран для продвижения собственных интересов. Государства ЦА становятся, таким образом, объектами многостороннего соперничества со стороны различных внешних сил, стремящихся влиять на экономическое и политическое развитие региона, что приводит к тому, что правящие элиты в ЦА оказываются в очень серьезной зависимости от внешних сил, вовлеченных в регион.

Объективно процесс интенсификации межрегиональных связей в направлении создания формального объединения пяти центральноазиатских государств отражает их стремление обрести большую субъектность в мировой политике, снизить риски, рождаемые чрезмерной зависимостью от внешних факторов: глобальных и региональных игроков, глобальной экономики и мировых финансовых институтов.

Справедливо также, что субъективно процесс регионализации ЦА противостоит иницируемой Россией евразийской интеграции, поскольку грозит отторгнуть от нее центральноазиатский сегмент. Возможно, что этому

смогут помешать объективные обстоятельства: низкий уровень товарооборота между странами ЦА, другие преграды (таможенные и пр.) на пути передвижения людей, товаров и услуг.

Конкурентная борьба, развернувшаяся в постсоветской ЦА, определяется во многом динамикой глобального развития. Оно характеризуется: а) угасанием однополярного мира, процессом становления полицентричного миропорядка; б) формированием в Азии параллельного Западу нового центра силы; в) стратегией «Поворота России на Восток», где наблюдается встречное движение Китая, Индии других азиатских стран, не удовлетворенных нынешним раскладом сил в мире. Это диктует необходимость выработки новых подходов к решению вопросов экономического и политического развития ЦА как региона, а также проблем, связанных и с его регионализацией, и с обеспечением его безопасности.

Список литературы

Барановский В.Г., Квашнин Ю.Д., Тоганова Н.В. (ред.) (2018) Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт. М.: ИМЭМО РАН.

Барыгин И.Н. (ред.) (2007) Основы регионоведения. М.: Аспект Пресс.

Богатуров А., Дундич А., Троицкий Е. (2010) Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. М.: НОФМО.

Бор А., Брауэр Б., Гулд-Дэвис Н., Касенова Н., Лиллис Дж., Маллинсон К., Никси Дж., Сатпаев Д. (2019) Казахстан: испытание «транзитом власти». Доклад Chatham House // <https://www.chatham-house.org/sites/default/files/CHNJ8054-RUSSIAN-Kazakhstan-Report-FINAL.pdf>, дата обращения 22.06.2020.

Воскресенский А.Д. (ред.) (2011) Восток и политика. М.: Аспект Пресс.

Воскресенский А.Д. (2012) Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. Т. 3. № 2(8). С. 30–58 // <https://www.comparativepolitics.org/jour/article/view/147>, дата обращения 22.06.2020.

Гафуров Б.Г. (1989) Таджики. М.: Наука.

Жолдасбаев С. (2010) История Казахстана: Учебник для 10 кл. естеств.-мат. направления общеобразоват. шк. Алматы: Мектеп.

Зиядуллаев Н., Зиядуллаев У. (2019) О стратегии развития государств Центральной Азии в условиях глобализации и регионализации мировой экономики // Общество и экономика. № 4. С. 87–100. DOI: 10.31857/S020736760004759-3

Ионова Е. (2018) Развитие отношений Казахстана и Узбекистана как фактор регионализации в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. № 4(41). С. 132–145. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-4-132-145

Каримова А.Б. (2006) Региональное пространство в современной политической организации мира. М.: Институт востоковедения РАН.

Косолапов Н.А. (2005) Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. № 6. С. 3–13.

Лаврищев А.Н. (1964) Экономическая география СССР. М.: Экономика.

Лагутина М.Л. (2016) Мир регионов в мировой политической системе XXI века. СПб.: Изд-во С.-Петербург. политех. ун-та.

Малышева Д.Б. (2010) Центрально-азиатский узел мировой политики. М.: ИМЭМО.

Малышева Д.Б. (2017) Афганский кризис и постсоветская Центральная

Азия // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 8. С. 14–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-14-23

Мамедов Г., Шаталова О. (ред.) (2016) Понятия о советском в Центральной Азии. Бишкек: Штаб-Press.

Печатнов В.О., Стрельцов Д.В. (ред.) (2019) Страны и регионы мира в мировой политике. Т. 2: Азия и Африка. Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс.

Спартак А.Н. (2017) Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 10. № 4. С. 13–37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

Халфин Н.А. (1965) Присоединение Средней Азии к России (60 – 90-е годы XIX века). М.: Наука.

Хидоятов Г.А. (1967) Джеффри Уилер переписывает историю Средней Азии // Вопросы истории. № 12. С. 21–35.

Шаймергенов Т.Т., Абишева М.А. (ред.) (2017) Центральная Азия 2027: меняющийся стратегический ландшафт. Астана: Библиотека Первого Президента РК – Елбасы.

Hettne B., Söderbaum F. (1998) The New Regionalism Approach // *Politeia*, vol. 17, no 3, pp. 6–21 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2399180, дата обращения 22.06.2020.

History of Civilizations of Central Asia (1992). Vol. 1, Paris: UNESCO // <https://archive.org/details/HistoryOfCivilizationsOfCentralAsiaTheDawnOfCivilizationEarliest/page/n1/mode/2up>, дата обращения 22.06.2020.

Humboldt A. (1843) *Asie Centrale: Recherches sur les Chaines de Montagnes et la Climatologie Comparée*, Paris: Gide.

Hurrell A. (1995) Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // *Review of International Studies*, vol. 21, no 4, pp. 331–358. DOI: 10.1017/S0260210500117954

Keohane R.O., Nye J.S. (Jr.) (eds.) (1972) *Transnational Relations and World Politics*, Cambridge: Harvard University Press.

Khanikoff N. (1961) *Mémoires sur le Partie Méridionale de l'Asie Centrale*, Paris.

Starr S.F. (2005) *A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors*, Washington: Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8

Problems of Regionalization in Post-Soviet Central Asia

Dina B. MALYSHEVA

DSc in Politics, Head of Sector Center of Post-Soviet Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: dsheva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8625-6132

CITATION: Malysheva D.B. (2020) Problems of Regionalization in Post-Soviet Central Asia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 140–155 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-8

Received: 01.06.2020.

ABSTRACT. *Different interpretations of the concept of “Central Asia” (CA) as well as mutual definitions of its geographical borders indicate the incompleteness in the process of forming Central Asia as a region. Regionalization as an effective form of upholding and promoting by Central Asian countries their national interests is distinguished in Central Asia by a multilevel characterization. It includes the desire of the republics to promote their national interests as sovereign states, then to develop their trade, economic and political interaction within the framework of integration processes, and to join various integration initiatives and supranational projects with a wide range of non-regional participants. Central Asian states’ attempts to develop intra-regional cooperation in the period from 1994 to 2005 ended in failure. Since 2017, the idea of a “new integration” has been gaining popu-*

larity in Central Asia, and it is considered to be a part of the construction within the framework of the Union of Central Asian States which is planned for creation. Kazakhstan and Uzbekistan claim for the role of “region-forming” countries and two cores around which the development of hypothetical regional integration is possible. At the same time, the foreign policy of Kazakhstan and Uzbekistan, their approaches to security problems have a kind of differences, while their regional neighbors are also differ from each other in their approaches to some economic and social issues; the resource base of Central Asian states is incomparable either. Therefore, there are many factors that hinder a regionalization as well as an integration. Among them are the centripetal aspirations of the Central Asian countries/ They prefer, instead of neighbors in the region, external partners and markets, international

financial institutions and donor structures. There are objective obstacles that impede regionalization, including the fact that the five republics of the region reluctant to share the sovereignty acquired after the collapse of the USSR in favor of supranational structures, whether they operate on the scale of the post-Soviet space or they are planned to be created within the region.

KEY WORDS: Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, region, regionalization, globalization, “union of five”, the Union of Central Asian States, “new integration”, security

References

- Barnovsky V., Kvashnin Yu., Toganova N. (eds.) (2018) *International Development Assistance as Foreign Policy Tool: Foreign Experience*, Moscow: IMEMO (in Russian).
- Barygin I.N. (ed.) (2007) *Fundamentals of Regional Studies*, Moscow: Aspect Press (in Russian).
- Bogaturov A., Dundich A., Troitskiy E. (eds.) *Central Asia: A “Delayed Neutrality” and International Relations in the 2000s. Essays on Current Politics*, Moscow (in Russian).
- Bohr A., Brauer B., Gould-Davies N., Kassenova N., Lillis J., Mallinson K., Nixey J., Satpayev D. (2019) *Kazakhstan: Tested by Transition*. Available at: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/CHHJ8054-RUSSIAN-Kazakhstan-Report-FINAL.pdf>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Gafurov B.G. (1989) *Tajiks*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Hettne B., Söderbaum F. (1998) The New Regionalism Approach. *Politeia*, vol. 17, no 3, pp. 6–21. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2399180, accessed 22.06.2020.
- History of Civilizations of Central Asia* (1992). Vol. 1, Paris: UNESCO. Available at: <https://archive.org/details/HistoryOfCivilizationsOfCentralAsiaTheDawnOfCivilizationEarliest/page/n1/mode/2up>, accessed 22.06.2020.
- Humboldt A. (1843) *Asie Centrale: Recherches sur les Chaines de Montagnes et la Climatologie Comparée*, Paris: Gide.
- Hurrell A. (1995) Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics. *Review of International Studies*, vol. 21, no 4, pp. 331–358. DOI: 10.1017/S0260210500117954
- Ionova E. (2018) Development of Relations between Kazakhstan and Uzbekistan as a Factor of Regionalization in Central Asia. *Russia and New States of Eurasia*, no 4(41), pp. 132–145 (in Russian). DOI: 10.20542/2073-4786-2018-4-132-145
- Karimova A.B. (2006) *Regional Space in the Modern Political Organization of the World*, Moscow: Institute of Oriental Studies (in Russian).
- Keohane R.O., Nye J.S. (eds.) (1972) *Transnational Relations and World Politics*, Cambridge: Harvard University Press.
- Khalfin N.A. (1965) *Accession of Central Asia to Russia (60 – 90 years of the XIX century)*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Khanikoff N. (1961) *Mémoires sur le Partie Méridionale de l'Asie Centrale*, Paris.
- Khidoyatov G.A. (1967) Jeffrey Wheeler Rewrites Central Asian History. *Voprosy istorii*, no 12, pp. 21–35 (in Russian).
- Kosolapov N.A. (2005) Globalization: Territorial and Spatial Dimension. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 6, pp. 3–13 (in Russian).
- Lagutina M.L. (2016) *The World of Regions in the Global Political System of the 21st Century*, Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. politekh. un-ta (in Russian).
- Lavrishchev A.N. (1964) *Economic Geography of the USSR*, Moscow: Economics (in Russian).
- Malysheva D. (2010) *Central Asian Knot of World Politics*, Moscow: IMEMO (in Russian).

- Malysheva D. (2017) The Afghan Crisis and Post-Soviet Central Asia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 61, no 8, pp. 14–23 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-8-14-23
- Mamedov G., Shatalova O. (eds.) (2016) *Concepts of the Soviet in Central Asia*, Bishkek: Headquarters Press (in Russian).
- Pechatnov V.O., Strel'tsov D.V. (eds.) (2019) *Countries and Regions of the World in World Politics. Volume 2: Asia and Africa. Textbook for High Schools*, Moscow: Aspekt Press (in Russian).
- Shaimergenov T.T., Abisheva M.A. (eds.) (2017) *Central Asia 2027: A Changing Strategic Landscape*, Astana: The Library of the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbassy (in Russian).
- Spartak A.N. (2017) Metamorphosis of Regionalization: from Regional Trade Agreements to Megaregional Projects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 10, no 4, pp. 13–37 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37
- Starr S.F. (2005) *A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors*, Washington: Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program.
- Voskresenski A.D. (ed.) (2011) *East and Politics*, Moscow: Aspekt Press (in Russian).
- Voskresenski A.D. (2012) Concepts of Regionalization, Regional Subsystems, Regional Complexes and Regional Transformations in Contemporary IR. *Comparative Politics Russia*, vol. 3, no 2(8), pp. 30–58. Available at: <https://www.comparativepolitics.org/jour/article/view/147>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Zholdasbaev S. (2010) *History of Kazakhstan*, Almaty: Mektep (in Russian).
- Ziyadullaev N., Ziyadullaev U. (2019) On the Development Strategy of Central Asian States in the Context of Globalization and Regionalization of the Global Economy. *Obshchestvo i ekonomika*, no 4, pp. 87–100 (in Russian). DOI: 10.31857/S020736760004759-3